

*Можно всё заветное покинуть,
Можно всё бесследно позабыть,
Но нельзя к минувшему остынуть,
Но нельзя о прошлом позабыть...*

Этот сон мне снится не впервые: снежинки, не успевая покружиться в красивом танце, падают, падают на землю. Среди белых огромных сугробов, на которые щедро сибирская зима, едва заметна крыша с печной трубой. Присмотришься и увидишь крохотную побелённую избушку. Крыша, труба и два маленьких, почти полностью снегом занесённых окошечка...

Этот сон не даёт мне забыть нашу соседку, которая на самом деле жила в этой избушке напротив нас.

Мне было семь лет, а она уже немало пожила на белом свете. Имени её я не знала, потому что все звали её Горюшиха (фамилия у неё была Горюшина). Детей и родственников не было. Она помогала маме полоть огород, приглядывала за мной и моей совсем маленькой сестрой, когда долгими вечерами мама задерживалась с отчётами на работе (мама работала в колхозе бухгалтером).

Была Горюшиха «внештатным» членом нашей семьи. Небольшого роста, очень полная. Длинные широкие юбки делали её, как мне в ту пору казалось, необъятной. У неё был интересный говор. Вместо «Ч» она говорила «Ц». Может, она была переселенкой с Вятки?

Накатаюсь, налажусь по сугробам, замёрзну. Мама на работе, а я к ней – к соседке.

«Людочка, – говорит бабушка, – полезай скоренько на печьку». А меня и уговаривать не надо. Поставлю в уголок

валенки вместе с примёрзшими к ним штанами и «пулей» на русскую печку, где каждый кирпичик источал ласковое тепло. «На-ко, лопотинкой укройся». И накроет плюшевым жакетом. Комнатка и была одна всего-то. Напротив печи – кровать, застеленная самодельным лоскутным одеялом, комод, столик и кухонный «шкапчик». Около русской печи стояла «буржуйка» – железная печь. Труба её выходила в трубу русской печи. На полу лежала тканая дорожка. Вот и вся утварь.

Я любила у неё ночевать. Зимой в маленькой избушке всегда было сумрачно. Сугробы мешали лучам солнца заглядывать в оконца. Электричество заменяла керосиновая лампа. За её стеклом мирно потрескивал огонёк, посылая на стены таинственные тени и освещая доброе Горюшихино лицо. Тепло от протопившейся печи окутывало с головы до ног. Бабушка всегда приглашала, как она говорила, повечерять.

Чай с душицей и кусочками сахара был удивительно вкусный. «Не пей горячий чай – некрасивая будешь», – учила меня бабушка. Сейчас думаю, наверное, я не послушалась её совета... А потом уложит спать рядом с собой и под мелодичное мурлыканье серого котихи, рассказывает сказки, обязательно со счастливым концом. Перекрестит три раза и скажет: «Спаси и сохрани тебя, Господи». Я изо всех сил боролась со сном; очень хотелось увидеть, как придёт охранять меня Господи.

В сильные метели моя мама всегда бежала посмотреть, не замело ли снежищем дверь в избушку Горюшихи, или отправляла меня и давала унести ей пирожков.

На Рождество приходила пора колядовать. Бабушка наряжала меня, давала сшитую из ткани сумку и отправляла по соседям. Сначала я шла к себе домой: «Коляда, коляда, открывай ворота». Мама накладывала в сумку сало, мясо,

и я шла дальше. Соседи знали, для кого я колядовала и, не скупясь, наполняли мою сумку продуктами.

Я, счастливая, из всех силёнок тащила эту сумку своей подружке. Под благодарные возгласы «Спасибо, Людоцка» выкладывала содержимое на стол.

А потом мы уехали из села, и у Горюших появились новые соседи.

Повзрослев, я думала, сколько же таких Горюших было по России-матушке! Особенно после войны.

Не пришли, не вернулись с фронта их мужья, сыновья. Затерялось их счастье, захоронилось в опалённой войной земле. Приклоняли они головы к случайным людям, которые оказывались рядом с ними. Горевали Горюшихи свою пришедшую старость в одиночестве, тихо уходя из жизни.

А ведь с помощью таких вот, обыкновенных русских Горюших, и выстояла в военное лихолетье Русь!

Так пусть эта бабушка, не совершившая никаких выдающихся подвигов, щедро отдающая тепло своей души рядом живущим, будет легендой. Ведь легенда – живое предание, почти всегда более истинное, чем то, что мы называем историей.

